

Нечепуренко Дмитрий Валерьевич

Характерология В. О. Пелевина

Специальность 10.01.01 – русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Челябинский государственный университет» на кафедре теории массовых коммуникаций

Научный руководитель: профессор, доктор филологических наук
Загидуллина Марина Викторовна

Официальные оппоненты: **Мароши Валерий Владимирович,**
доктор филологических наук, доцент, ФГБОУ
ВПО «Новосибирский государственный
педагогический университет», профессор
кафедры русской литературы и теории
литературы

Мельникова Арина Юрьевна,
кандидат филологических наук, ФГБОУ ВПО
«Ивановский государственный университет»,
старший преподаватель кафедры
практического русского языка

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»,**
г. Пермь.

Защита состоится « 9 » октября 2014 г. в 10-00 на заседании диссертационного совета Д 212.285.15 на базе ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, зал заседаний диссертационных советов, к. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», <http://dissovet.science.urfu.ru/news2/>

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук,
доцент

Е. Е. Приказчикова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность предпринятого исследования обусловлена сохранением за последние десятилетия неизменно высокого интереса к проблеме человека и его характера в самых разных сферах жизнедеятельности, что находит яркое отражение в современной литературе. Остаётся актуальным изучение мотивов деятельности человека, установление границ моральной и физической свободы, ответственности человека в самых разных сферах жизни: в науке, искусстве, политике, быту. В современной художественно-эстетической ситуации происходит смешение философского, художественного, эзотерического дискурсов и практик письма.

Научные открытия последних десятилетий сильно изменили представления о мире и о человеке, активизировался диалог культур Запада и Востока. Очередной «бум» восточной культуры, охвативший Запад, Европу, в том числе и Россию, в 1960-е годы, продолжается до сих пор. Серьезное признание в современных политических прогнозах получил тезис «евразийства» – особого понимания «сплава» восточных и западных ценностных ориентиров. Однако россиянам (как и европейцам) за прошедшие с тех пор пятьдесят лет удалось составить лишь весьма приблизительное представление о сути такого культурного феномена, как «восточность», и его составляющих. И сегодня образовательные программы различных уровней практически исключают обширный восточный пласт культуры. В программах по зарубежной культуре, философии, литературе наблюдается диспропорция в сторону большего изучения европейского и западного, нежели восточного. Незаслуженно остаются, например, без должного внимания такие известные писатели, как Чэнь Сюанью, Ло Гуаньчжун, Ши Найань, У Чэньэнь, Цао Сюэцин и другие.

Одним из авторов, стремящихся восполнить лакуну «восточности» в современной российской культуре, выступает В. О. Пелевин. Читатель, обращаясь к книгам Пелевина, сталкивается с преломлением восточной философской мысли. Большинство российских читателей, не имея достаточных знаний в сфере восточной эзотерики и философии, оказываются в затруднении: смыслы, формируемые художественными текстами Пелевина, ускользают от понимания. Российский читатель привык к классическому, традиционному «европейскому» культурному материалу, типу мышления, линейной подаче информации, когда, например, главным «российским спором» становились противоречия западничества и славянофильства. Не менее важно учитывать и особенности европейского менталитета, восприятия вообще: к человеческому телу культура относится как к некоему агрегату и рассматривает его отдельно от разума, духовной сферы. Представления о человеке в науке, как и его изображение в искусстве, с течением времени претерпевают существенные изменения. Для современной науки очевидно, что для объективного понимания человека и его характера, мотивов деятельности требуется их разносторонний анализ. Принципы восточной философии чрезвычайно созвучны этой задаче.

Несмотря на то, что «восточный текст» у Пелевина изучается уже достаточно давно, подробных фундаментальных исследований этой проблемы нет: критики сетуют, что не понимают произведений Пелевина, в статьях, работах исследователей нередко наблюдается путаница в школах буддизма, отсутствуют ссылки на оригинальные восточные тексты.

С нашей точки зрения, именно синтез постмодернизма и дзэн-буддизма организует уникальную характерологию Пелевина, которая демонстрирует современное понимание человека (разрушение психологического и социального детерминизма как основы создания «правдоподобного» характера); такой подход к его творчеству обеспечивает адекватность научного инструментария материалу. Философские установки постмодернизма и дзэн-буддизма (критика, сатира, синтез, эпатаж) позволяют по-новому взглянуть на мир и человека в нём, демонстрируя их абсолютную идентичность. Пелевин не постмодернист, а писатель, работающий в эпоху постмодерности с присущей ей нонселекцией, размыванием границ традиционной культуры, масскультуры и элитарной культуры. Это художник, который свободно использует современный арсенал изобразительных средств, но в философском плане перерастает постмодернизм, преодолевает его узость. В обнаружении этого явления и описании адекватной ему поэтики Пелевина-философа на уровне характерологии и заключается актуальность предпринятого нами диссертационного исследования.

Объект диссертационного исследования – художественный мир В. О. Пелевина.

Материалом работы стали повести и рассказы В. О. Пелевина: «Затворник и Шестипалый» (1991), «Встроенный напоминатель» (1991), «День бульдозериста» (1991), «Жизнь и приключения сарая Номер XII» (1991), «Принц Госплана» (1991), «Жёлтая стрела» (1993), «Папахи на башнях» (1995), «Святочный киберпанк, или "рождественская ночь-117.DIR"» (1996), «Ultima Тулеев, или Дао выборов» (1996), «Краткая история пэйнтбола в Москве» (1997), «Акико» (2003), «Гость на празднике Бон» (2003), «Запись о поиске ветра» (2003), «Тхаги» (2010); романы: «Омон Ра» (1992), «Жизнь насекомых» (1993), «Чапаев и Пустота» (1996), «Generation 'П'» (1999), «Числа» (2003), «Священная книга оборотня» (2004), «Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре» (2005), «Ампир В» (2006), «t» (2009), «S.N.U.F.F.» (2011). Выбор произведений обусловлен наличием в них схожих философских установок, элементов восточной философской мысли, а также особенностями системы образов.

Предметом исследования в диссертационной работе является характерология В. О. Пелевина.

Цель исследования: выявить специфические черты характерологии В. О. Пелевина как ключевого художественного элемента его произведений. Исследование ставит и решает следующие **задачи**:

- 1) выявить генезис характерологии В. О. Пелевина, описать её теоретико-философские основы;
- 2) осмыслить и систематизировать элементы (типы), составляющие характерологию В. О. Пелевина;

3) определить функциональное назначение, роль характерологии В. О. Пелевина в формировании художественного мира его произведений.

Теоретическую основу диссертационной работы составили труды философов, литературоведов, культурологов, психологов, занимающихся проблемами человека и его характера, исследованием героя художественного произведения, психологией восприятия (Дж. Беркли, Ж.-Ж. Руссо, К. Г. Юнга), теоретиков постмодернизма (Ж. Лакана, Ж. Делеза, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида, Ж.-Ф. Лиотара), теоретиков литературы (С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, С. Г. Бочарова, Л. Я. Гинзбург, Н. В. Драгомирецкой, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, Б. В. Томашевского, В. Е. Хализева, В. Б. Шкловского), востоковедов (почетного доктора буддийской философии Н. В. Абаева, Э. Бэккера, синологов и литературоведов И. А. Воронова, Е. В. Завадской, И. С. Лисевича, А. А. Маслова). Для решения ряда задач диссертации значимым оказалось философское наследие Д. Кришнамурти и Конфуция.

Методологическая основа исследования определяется его задачами и спецификой изучаемого художественного феномена. Она предполагает интегративность, синтез собственно филологического, философского, психологического, культурологического подходов, направленных на концептуальное освоение характерологии В. О. Пелевина. Комплексный подход обеспечивается сочетанием биографического, культурно-исторического, историко-литературного, сравнительно-типологического, сравнительно-исторического, структурно-семиотического, типологического методов анализа.

Научная новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые представлены и подробно описаны теоретико-философские истоки характерологии В. О. Пелевина, даётся описание характерологии писателя как системы составляющих её типов и объяснение её функционального назначения, роли в раскрытии особенностей художественного мира В. О. Пелевина. В диссертации на основе синтеза философского и литературоведческого подходов исследуется поэтика характеров, установлено, что основу характерологии писателя составляют четыре типа характера, анализируются приёмы их создания, рассматриваются их художественные функции и принципы построения характерологии как системы. Кроме того, описаны уникальные приёмы, специфика творческого метода писателя, позволяющие говорить о новом подходе к созданию катарсических эффектов в художественном тексте. Автор раскрывает особенности восприимчивости творчества Пелевина к художественным принципам постмодернизма и философским основам дзэн-буддизма, указывая на первичность восточной философии в творчестве писателя. Впервые рассматриваются параллели текстов В. О. Пелевина с религиозными дзэн-буддийскими и китайскими классическими художественными произведениями.

Теоретическая значимость диссертации состоит в рассмотрении механизма зависимости поэтики произведения и особенностей характерологии от мировоззрения писателя, в уточнении принципов анализа характерологии как элемента художественного произведения; углубляются представления о характерологии и её значимости для поэтики современных произведений, её

возможностях в объяснении авторских задач в современной литературе, раскрыты новые возможности в осмыслении проблемы человеческого характера в художественном тексте.

Практическая ценность работы заключается в том, что изложенные в ней наблюдения и выводы могут быть использованы в образовательной практике: включены в вузовские и школьные курсы по истории литературы; спецкурсы по проблемам анализа литературного произведения, творчеству отдельных писателей, опирающихся в своих произведениях на восточную философию. В диссертации обосновывается тезис о нарушении баланса в национальном изучении иностранной литературы (недостаточность внимания к восточной традиции и качеству её интеграции с отечественной), что ведёт не только к дефициту теоретических и общекультурных знаний, но и к формированию ущербного восприятия мировой культуры. Материалы диссертации могут способствовать исправлению ситуации и восстановлению баланса, заполнению возникшей лакуны и выработке адекватных современному мировоззрению образовательных стратегий в сфере обучения литературе в школе и вузе.

Положения, выносимые на защиту:

1. Характерология творчества В. О. Пелевина – это целостная система мироориентаций всех персонажей писателя, основанная на взаимодействии героев четырех типов: героя-профана, героя-гуру, героев-феноменов, идеального героя. Эти типы отражают философские и эстетические идеалы автора, а также определённый образ жизни и мироощущение различных героев в естественных и пограничных ситуациях. Герои Пелевина делятся на группы в зависимости от их функций в рамках единой системы характерологии. Герой-профан – это духовный искатель, который ищет истину, чтобы разобраться в окружающем (герои-феномены) его мире и вследствие этого стать «просветлённым» (идеальным героем), тем, кто обрел правильное понимание мира, гармонию с ним. В достижении этого ему помогает наставник – герой-гуру.

2. С помощью концептуальной характерологии писатель реализует цель своего творчества – просвещение. Это особое духовное, интеллектуальное, нерелигиозное воспитание читателя, основанное на приглашении к постижению философских представлений автора, включающее в себя глубокое убеждение в существовании некоего универсального метафизического принципа, который присущ всем людям, обладает истинной и неповторимой природой, часто скрытой за пеленой иллюзий и заблуждений. Писатель «воспитывает» своего главного героя, а вместе с ним и читателя. Герой-профан, а через него и читатель, проходит психологическую «обработку» («терапию») героем-гуру или непосредственно автором – благодаря особенностям творческого метода писателя. В результате просветления главный герой – герой-профан (читатель) – преодолевает границы и условности повседневного, обретает высшее видение мира, постигает Истину (как это задумано автором). Функционирование героев (их поведение, качества), поэтика произведения predetermined целью писателя. Таким образом, характерология представляет собой своеобразный «лифт» для героя, который

может (должен) пройти этапы становления характера, представленные разными типами характеров.

3. В характерологии В. О. Пелевина, как и в его творческой парадигме в целом, первична философия дзэн-буддизма и вторичен постмодернизм. Просвещение, дидактика писателя основываются на использовании идей, приёмов дзэн-буддизма и поэтики постмодернизма. Вследствие этого деление персонажей на группы условно, так как конечный идеал, достигнутый в результате просвещения «по Пелевину», не предполагает любого рода бинарностей, потому что изначально содержит в себе все типы («номадическая сингулярность»). Идеальный герой непосредственно в самом произведении отсутствует, поскольку таковым должен стать главный герой к концу произведения. Проблемность изображения писателем идеального героя обусловлена также принципом «нет предела совершенству».

4. Синтез дзэн-буддизма и постмодернизма проявляется в доминировании первого как содержательной доминанты и функционирования постмодернизма как доминанты формальной. Этот синтез обуславливает основные черты и приемы творческого метода писателя, благодаря которым реализуется установка на просвещение: синтез, многомерность, спонтанность, динамичность, юмор, обращение к интуиции, непосредственное воздействие на сознание читателя, эпатаж, интерактивность. Благодаря особенностям этого метода, присущей ему интерактивности, «терапевтическому» эффекту буддийской дидактики писателя становится возможным говорить о новом подходе к созданию условий для возникновения катарсических эффектов в художественном тексте.

Апробация результатов диссертационного исследования проводилась на международных заочных конференциях: «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные проблемы и тенденции развития» (Новосибирск, 2011 г.), «Вопросы научного образования по гуманитарным, социальным и психологическим специальностям» (Москва, 2011 г.), «Филология, искусствоведение и культурология: актуальные проблемы» (Новосибирск, 2012 г.), «Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии» (Новосибирск, 2012 г.). Текущие результаты исследования были представлены и обсуждались на II научно-практической конференции преподавателей ЮУМК (Челябинск, 2013 г.), на XVII Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы изучения и преподавания литературы в вузе и в школе – Лейдермановские чтения» (Екатеринбург, 2013 г.), на VIII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск, 2013 г.), на заседаниях кафедры теории массовых коммуникаций ЧелГУ.

Структура работы определена последовательностью решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения. Список использованной литературы насчитывает 261 наименование. Общий объём работы составляет 215 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается выбор темы, ставятся главные проблемы, характеризуется избранный ракурс исследования, актуальность темы и научная новизна работы, определяются цели и задачи диссертации, описывается теоретико-методологическая база, теоретическая и практическая значимость.

В **главе первой «Теоретические аспекты понятия “характерология”»**, состоящей из двух параграфов, мы обращаемся к истокам понятия «характер», к различным концепциям характерологии, пытаемся найти оптимальный подход к описанию человеческого характера как предмета художественной рефлексии.

В § 1 *«Концепции характерологии»* для более глубокого исследования характерологии в художественном произведении мы рассматриваем понятие «характер» в интердисциплинарном ракурсе. Это особенно актуально, если принимать постмодернистское представление о литературоведении¹. Для этой цели мы обратились к этимологии слова «характер». Оно пришло из греческого языка: «charakter», суф. производное от «charasso», что означает «метить, ставить клеймо, царапать». Это позволило нам подчеркнуть взаимосвязь психики человека с его физическими действиями, практический, материальный аспект (прикладную природу психики): ту важную составляющую, которая в современном мире часто ускользает из внимания при употреблении слова «характер», воспринимается же, в основном, только идеальная внешняя, достаточно иллюзорная сторона термина.

Обращение к психологическим классификациям (Э. Кречмер, Л. Клагес, К. Г. Юнг, А. Ф. Лазурский) для нас обусловлено не только задачей качественного подхода к функциональному описанию характеров произведений В. О. Пелевина, но и спецификой цели писателя – просвещением читателя, что заключается в необычайно сильном воздействии художественного произведения на человека с целью реального изменения его характера (мировоззрения). Однако Пелевин смещает просветительский акцент с социального и теоретического на индивидуально-личностное, внутреннее, психофизическое, реализуемое практически и непосредственно при чтении читателем произведения, его рефлексии. Ещё со времён Гегеля стало привычным рассматривать искусство как особую форму познания реальности, как духовно-познавательную деятельность². В поиске объективного подхода к описанию характерологии художественного мира В. О. Пелевина были учтены классические описания различных типов характера таких авторитетных ученых и мыслителей, как Гиппократ, Конфуций, Бен Джонсон.

В параграфе рассматриваются понятия «характер», «художественный характер», «эмоционально-ценностная ориентация». Мы предлагаем обзор

---

¹ Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 17.

² Роднянская И. Б., Кожин В. В. Образ // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т.; гл. ред. А. А. Сурков. М., 1978. Т. 5. Стр. 363–369.

концепций характерологии, среди которых особое место занимает характерология Т. А. Касаткиной¹.

Необходимыми в исследовании характерологии мы считаем труды Конфуция, Аристотеля, Д. Дидро, С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, С. Г. Бочарова, И. Ф. Волкова, Л. Я. Гинзбург, В. А. Грехнева, Н. В. Драгомирецкой. В свете проблемности вопроса о характерологии в нашей работе мы обращаем внимание на то, что такие авторитетные источники, как КЛЭ, ЛЭС, словарь «Поэтика», для примеров, иллюстраций к понятиям обращаются, как правило, только к европейским и русским писателям, почти никогда к восточным².

Мы выяснили, что несмотря на свои успехи по отдельным направлениям, наука не может полностью объяснить сущность характера, доказать его зависимость от строения тела, контуров лица, цвета глаз и так далее. Остаётся актуальным вопрос, возможно ли определение характера человека на основании изучения его внешности. На протяжении веков связь между внешностью человека и складом его характера отчётливо фиксировалась в литературных произведениях и в картинах художников. Научная психология исходит из положения, что зависимость между привычным выражением лица человека и складом его характера не является однозначной. Учитывая интерес В. О. Пелевина к древним и средневековым восточным, эзотерическим учениям (различные школы буддизма, суфизм, цигун, каббала, мистицизм), мы находим, что для исследования характерологии писателя необходимо обратиться к восточным представлениям о человеке, поскольку традиционные европейские средства описания человеческого характера мало отражают специфику характерологии В. О. Пелевина. Опираясь на работы Н. В. Абаева, И. А. Воронова, мы установили, что понимание устройства психики человека на Востоке и Западе (в Европе) различно. На Востоке не принято выделять какую-либо одну черту характера, психика – это органичное целое. Кроме того, принципиальным отличием представляется то, что на Востоке был накоплен многовековой опыт в изменении начальных психических показателей обычного человека, позволяющий добиваться «поразительных результатов в преобразении исходных психических структур и формировании определенного типа личности с заданными психологическими характеристиками» [19, 140].

В § 2 «Характерология как литературоведческая проблема» мы обратились к истории характерологии. Опираясь на наблюдения В. Е. Хализева, В. А. Грехнева, В. А. Беглова, мы рассмотрели эволюцию понятия «характер» на примере героев произведений художественной литературы, проанализировали понятия «тип» и «характер»³. Обращение к теории литературы позволило увидеть, какие бывают персонажи, получить необходимый инструментарий для изучения

---

¹ Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М. : Наследие, 1996. 338 с.

² Тюпа В. И. Характер // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т.; гл. ред. А. А. Сурков. М., 1978. Т. 8. С. 215–219; Фаустов А. А. Характер // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. С. 286–287.

³ Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999. С. 102.

характерологии: понятия «художественный образ», «литературный герой»¹, виды портретов, приёмы создания художественного образа человека, виды образов-персонажей, группы персонажей, типы отношений между персонажами. Всё это способствовало установлению нами философских и эстетических истоков характерологии В. О. Пелевина.

Говоря о характерологии в творчестве В. О. Пелевина, необходимо учитывать и постмодернистский контекст. Мы соотнесли творчество писателя с базисными постмодернистскими понятиями: «дивид», «маска автора», «смерть субъекта» и так далее – и пришли к выводу, что оно не является полноценным воплощением этого литературного направления. Немаловажным для нашего исследования оказался тот факт, что в целом внутри общего постструктуралистско-постмодернистского комплекса наблюдаются идейно-теоретические разногласия. Для человека в постгуманистическую эпоху характерно ощущение катастрофы, конца света. Вся мировая история начинает восприниматься как фатальный процесс, человечество обречено, сам человек, как стало ему представляться, вовсе не мера всего сущего, наоборот, он слаб и глубоко ущербен.

Существует мнение, что концепции личности у постмодернистов нет. «Человек – это антиличность, антигерой, персонифицированное зло»². Человек в постмодернизме радикально отличается от предшествующих концепций человека в искусстве. Само понимание действительности и стратегия её восприятия резко изменились: очевидно доминирование нестабильности, хаотичности, фрагментарности. Под вопросом оказалось существование целостной личности как таковой³. Для постмодернистского типа личности характерны алогизм и немотивированность поступков, непредсказуемость, спонтанность поведения, нестандартное восприятие мира, неумение правильно ограничивать свои желания, подсознательная тяга к разрушению, суицидальные мотивы, что нередко прикрито благочестивой внешностью, социальным статусом. Всплески негатива ничем не мотивируются. Демонстрируется торжество абсурда, доходящего до безумия. Считается, что В. О. Пелевин – постмодернист, но вряд ли можно сопоставить его героев с описанным выше постмодернистским типом. В его произведениях нет такого законченного, полноценного для этого литературного направления сложного героя (характера). Более того, сам Пелевин не считает себя постмодернистом, говорит, что у него свой стиль: «Это не моя клетка, у меня нет ни малейшего намерения в неё забираться... Я пишу в стиле Виктора Пелевина»⁴. Не считает Пелевина постмодернистом «ни идейно, ни содержательно» и критик

---

¹ Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.

² Лихина Н. Е. Актуальные проблемы современной русской литературы. Постмодернизм: учеб. Пособие. Калининград: Калинингр. ун-т, 1997. 59 с.

³ Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 78.

⁴ URL: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-toish/1.html>.

С. Корнев¹. Постмодернистские элементы в произведениях писателя присутствуют, но фрагментарно. Постмодернистские элементы в произведениях писателя присутствуют, но фрагментарно. Однако эта фрагментарность исчезает при взгляде на произведение с другого концептуального уровня. Признание наличия дзэн-буддизма в творчестве В. О. Пелевина и отнесение его к постмодернистам – литературный факт. Синтез этих двух явлений в том, что они обладают схожими качествами. Дзэн-буддизм на определённом этапе своего функционирования (реализации программы перестройки некоторых структур психики человека) выступает как постмодернизм.

В главе второй **«Философские и эстетические истоки характерологии В. О. Пелевина»**, состоящей из трёх параграфов, мы делаем обзор критики произведений писателя, устанавливаем философские и эстетические истоки характерологии В. О. Пелевина, определяем главную цель творчества, анализируем его творческий метод с точки зрения эффективности в изображении человеческого характера, акцентируем внимание на некоторых особенностях поэтики, связанных с генезисом характерологии.

В § 1 *«Характерология В. О. Пелевина в критике»* представлен обзор оценки творчества В. О. Пелевина в критике, особое внимание уделялось описанию его персонажей. Рассмотрев пути, по которым шёл анализ героев произведений В. О. Пелевина, мы обнаружили, что общая доля анализа персонажей в статьях критиков в среднем занимает не более 17 % от общего объёма статьи. При анализе персонажей большинство критиков и исследователей, если и дают им характеристику, то делают это, просто описывая их «в сюжете», лишь называя типы героев, но не вдаваясь глубоко в функциональное литературоведческое описание с детальным обоснованием философии писателя, идеи, поэтики произведения. Наблюдения критиков о персонажах В. О. Пелевина носят нередко поверхностный, неконцептуальный характер. Основные направления мысли исследователей при анализе персонажей В. О. Пелевина таковы: описание какого-либо доминирующего признака, разъяснение художественных приёмов, с помощью которых создан персонаж, реже обращение к концептуальному (философскому) описанию функционирования героев. Особо ценными для нас являются найденные критиками два типа героев: «учитель» и «ученик». Также важным для нас является наблюдение о многообразии типов героев, наличии в произведениях Пелевина «мифических», вымышленных героев, размышление об условности у Пелевина (значимо, что главный герой не обязательно воплощён в образе реального человека). Что касается философского пласта произведений Пелевина, то критики отмечают использование писателем различных эзотерических учений, в частности, буддизма и дзэн-буддизма, философии постмодернизма, ницшеанства. Что касается постмодернизма в творчестве писателя, то критики скупно говорят об «обосновании

---

¹ Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим?: (Об одной аванюре Виктора Пелевина) // Новое лит. обозрение. 1997. № 28. С. 244–259.

мировоззренческого хаоса», «теоретической аннигиляции целостной личности» и так далее.

Так как целью нашего исследования является системное, комплексное исследование характерологии В. О. Пелевина одновременно с реконструкцией философских установок писателя, из которых она рождается, осмысление формирующих её элементов, их функций, определение роли характерологии В. О. Пелевина в раскрытии идеи его произведения, творчества в целом, то особое значение для нашей работы приобретает обращение к философским истокам творчества писателя.

В § 2 «Философские предпосылки и целевые установки творчества В. О. Пелевина», констатируя, что проблемный арсенал писателя хорошо известен ещё по классической литературе, мы отмечаем, что глубина его проработки и интерпретация отличается новизной используемых идей, методов, приёмов. Главным инструментом для решения этих вопросов служит характерология писателя благодаря её структуре, особенностям, функционированию персонажей, философскому наполнению. Мы определили цель творчества В. О. Пелевина – просвещение, проведя некоторую параллель с просветителями XVIII века, но оговаривая специфику «просвещения» относительно творчества В. О. Пелевина. Мы разделяем точку зрения С. Корнева, что по своей сути В. О. Пелевин больше «классический писатель-идеолог», нежели постмодернист. Также мы отмечаем наличие в истории русской литературы писателей-классиков, которым также был интересен буддизм (Л. Н. Толстой, И. А. Бунин, Г. Газданов, С. А. Есенин). Также мы выявили схожесть философии дзэн-буддизма с постмодернизмом и некоторыми идеями Дж. Беркли. Доминирующей философией в творчестве писателя, на наш взгляд, является дзэн-буддизм.

Пелевин ненавязчиво заставляет читателя задуматься о своём истинном месте в мире, предлагая ему самому решить художественную задачу текста, однако подталкивает найти верную колею и избежать ошибок в выборе правильного пути, направляет его интеллект. Суть такой системы взаимоотношений автора и читателя, как мы уже указывали, – просвещение. Это и есть главная цель творчества писателя. Просвещение – это передача знаний, «распространение знаний» и культуры, какое-либо образование. Говоря о «просвещении», большинство людей устремляются к таким его истокам: выдвижение в XVIII веке идеологии, основанной на разуме, пропагандируемой в противовес религии и суевериям – наследию феодального строя¹. Для Просвещения характерна идея перестройки жизни на разумных основаниях. К просветителям относят Ш. Л. Монтескье, Вольтера, Ж. О. Ламетри, Д. Дидро, К. А. Гельвеция, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Шиллера, А. Н. Радищева, Л. Н. Толстого, Н. Г. Чернышевского и других. О том, что В. О. Пелевин продолжает традиции Просвещения, писал С. Корнев: «Пелевин, на самом деле – идейно, содержательно – никакой не постмодернист, а самый настоящий русский классический писатель-идеолог, вроде Толстого или Чернышевского. Русский

¹ Верцман И. Просвещение. Литературная энциклопедия. М., 1935. Т. 9. Стб. 323–338.

классический писатель-идеолог – это человек, который ухитряется выпускать вполне читабельную и завлекательную литературную продукцию, так что нельзя оторваться, и при этом быть идеологом, то есть завзятым проповедником и моралистом – социальным или религиозным. И не просто идеологом, а навязчивым, беспросветным идеологом, который буквально каждой своей строчкой настойчиво и откровенно вдалбливает в читательскую голову одну и ту же морально-метафизическую теорию»¹. Пелевин продолжает традиции Просвещения, но в иной эстетической парадигме, используя другую философию, эстетику и художественные приёмы: постмодернизм, восточная философия, древние эзотерические учения – дзэн-буддизм, даосизм, ламаизм, индуизм, Кришнамурти, цигун, фэн-шуй. Необходимо заметить, что принципы европейского постмодернизма и дзэн-буддизма во многом схожи. В дзэн-буддизме и родственном ему даосизме провозглашается апофатический принцип невозможности выразить высшую истину в словах и знаках и постичь её в рамках дискурсивно-логического мышления. Значимо то, что Россия позже, чем Европа, обратилась к восточным учениям. На Западе к дзэн-буддизму одной из первых проявила интерес психиатрия. Об этом пишет Э. Бэккер в книге «Дзэн: рациональная критика»². Известно, что среди основателей постмодернизма немало людей, связанных с психиатрией. Ж. Лакан начинал как практикующий врач-психиатр, Ж. Делёз писал свой трактат совместно с психоаналитиком Феликсом Гваттари. Найденная нами «преемственность» идей – сходство между дзэн-буддизмом и постмодернизмом – не уникальный случай в науке. Исследователь И. А. Воронов пишет, что даосизм и особенно буддизм оказали заметное влияние на формирование направлений современной психологии. Метод анализа сновидений Зигмунда Фрейда, концепция архетипов Карла-Густава Юнга, психосоматическая теория оргона Вильгельма Райха, феноменологические теории личности Абрахама Маслоу и Карла Роджерса во многом повторяют даосско-буддийские представления о личности человека.

В § 3 «*Эстетические принципы и художественный метод В. О. Пелевина как основа характерологии*» рассматриваются эстетические принципы и художественный метод В. О. Пелевина как основа характерологии, то, что делает её действенной в воспитании читателя. Важен тот факт, что в одних его произведениях философия дзэн-буддизма представлена ярче, в других проявлена в меньшей степени, или, на первый взгляд, отсутствует вовсе, вследствие чего все произведения разделены нами на две группы: «серьёзные» (сложные) и релаксивные (лёгкие), при обосновании условности этого деления: все вместе они подчинены одной цели – просвещение читателя.

Пелевинский метод представляет собой эффективную, действенную «терапию» сознания читателя. Его книги – это «экшн», шок, шоу, эпатаж, в котором важно непосредственное действие и участие в нём не только персонажей книги, но и самого читателя. Но это не постмодернистская шоковая терапия, а именно дзэнская шоковая терапия, которая идёт дальше первой и в конце концов

---

¹ URL: <http://pelevin.nov.ru/interview/o-toish/1.html>

² Becker E. Zen: a rational critique. New York : W. W. Norton & Company, Inc., 1961.

направлена на созидание, обретение гармонии с миром. Читатель психофизически ощущает реальность художественного мира, созданного Пелевиным благодаря используемым им художественным приёмам. Важную роль при постижении главной идеи произведения Пелевина играет интуиция. Читателю, как и герою-профану, чтобы добиться успеха в своём поиске, необходимо быть очень внимательным к происходящему в каждый текущий момент сюжета, он также должен «действовать», рассуждать, стремиться, а не просто слушать или «пропускать мимо ушей», в частности, поэтому автор не договаривает, опускает некоторые моменты и детали. Важные принципы творческого метода Пелевина – это простота, прямота, непосредственность воздействия на сознание читателя, динамизм, синтез, многоуровневость, юмор. Это именно черты стратегии воздействия на восприятие, выстраивания читательского отношения к действительности художественного и реального миров, а не столько самой поэтики, элементы которой вполне могут быть как простыми, так и сложными во всём своем разнообразии.

Мы предлагаем классификацию художественных приёмов В. О. Пелевина, которые делают его характерологию функциональной. В работе каждый приём сопровождается примером из произведений писателя. Эти приёмы можно разделить на словесные, если тот или иной эффект достигается с помощью вербализации, и бессловесные (невербальные, композиционные), когда писатель рассчитывает на интуицию и сообразительность читателя. Словесные (вербальные): цитирование эзотерических силлогизмов (их авторское переложение), непосредственный ответ, строящийся на бытовом материале, слабостях «среднего» человека (массового обывателя), безапелляционном заявлении, примерах, парадоксах. Также сюда можно отнести вопросы, взаимоисключающие выводы, неосуществимые условия, прерывание (собеседника), неуместные ответы с использованием скрытого подтекста, отрицаний, вопросов, приказаний, цитат, собственных имён. Бессловесные (невербальные) приёмы: немаркированная смена планов, «компьютерные» приёмы, нестандартное использование графики, описание галлюцинаций, нечленораздельная речь, резкая смена поведения или настроений персонажа, немотивированные (непредсказуемые) действия героев, умолчание (долгое / краткое), сюжетные ходы, например, применение физической силы героем-гуру по отношению к герою-профану. Перечисленные приёмы типичны для дзэн-буддизма. Писатель заимствует у дзэн-буддизма намного больше, чем форму / содержание: образы и типы персонажей («профан» и «гуру»), их стиль общения, ключевые темы, понятия, в его произведениях проскальзывают названия классических китайских философских и литературных произведений.

Глава третья «Типология характеров В. О. Пелевина» состоит из четырёх параграфов; каждый из них посвящён описанию одного из четырёх обнаруженных нами типов героев: герою-профану, герою-гуру, героям-феноменам, идеальному герою. Описывается функционирование каждого типа как необходимого звена в общей системе характерологии относительно

используемой писателем философии, приводятся примеры из произведений писателя.

В § 1 «*Читатель – герой-профан: путь к себе*» даётся описание одного из выведенных нами типов универсальных характеров. «Профан» («духовный искатель») – это состояние, являющееся «стартовым» для погружения читателя в художественный мир произведения и для начала его эволюции к идеальному типу, завершающему иерархию героев.

Обычно в произведениях В. О. Пелевина критики и исследователи выделяют два типа героя: главный герой («ученик») и «учитель». Для уже известного в критике типа героя «ученик» мы используем следующие определения: герой-профан, духовный искатель. Как известно, профан – человек, совершенно не сведущий в какой-либо области, невежда. Очевидно, что герой «учитель» обладает неким знанием, философией, многое объясняющей в жизни, которую герой-профан хочет понять. Встречающееся определение героя-профана как «поисковика» неточное, так как вести поиск может лишь тот, кто уже нашёл исходную точку (концепт) своего поиска, уверен в ней, видит цель, тот, кто может раскладывать мир в рамках своих имеющих устойчивых категорий на хорошее и плохое, правильное и неправильное. Но герой Пелевина как раз и пытается найти то (концепт), что сформирует его дальнейший путь и поиск. Он ещё ничего не потерял, чтобы искать, он, собственно, даже не уверен и в том, что именно мог бы потерять и что искать. Правильнее было бы назвать такого героя «духовным искателем». Он хочет двинуться к идеалу, обрести просветление. Под просветлением мы понимаем особое мудрое, более глубокое видение и понимание мира, тесно связанное с психикой, сознанием, душой героя. На наш взгляд, можно и нужно учитывать своеобразный «прикладной характер» произведений писателя – он стремится воздействовать примером своего героя на читателя, заставлять того пройти такой же путь.

Автор формирует у читателя ощущение, что и герой-профан, и герой-гуру ему одинаково близки. Однако ключ к прозрению не только в сознании героя (профана), хотя герой-гуру изначально авторитетнее в понимании устройства жизни. В большинстве случаев главный герой произведений В. О. Пелевина – мужского пола: молодой парень или мужчина средних лет, представитель среднего класса. Причём не обязательно, что герой является человеком, нередко им может оказаться и получеловек-полуживотное («Проблема верволка в средней полосе», «Жизнь насекомых», «Ампир В»), предмет, например, сарай в «Жизни и приключениях сарая номер XII». Часто герой Пелевина претерпевает внешние и внутренние трансформации физического и психического свойства. Перевоплощения персонажей не меняют их качественной характеристики и функционирования. Потеря героями части человеческих свойств, признаков, как и приобретение новых, метаморфозы с ними отражают дзэн-буддийскую философию об устройстве мира, природе всего живого и неживого.

В § 2 «*Герой-гуру*» описывается второй универсальный тип характера. Если главный герой (профан) – это читатель, то герой-гуру – это «сам» автор, его упрощённая копия. В узком смысле – это один персонифицированный персонаж,

со свойственной ему «учительской» функцией, однако это условно, так как героев-гуру в одном произведении может быть несколько, однако они различаются степенью близости герою-профану и своей компетентностью. Это усиливает сходство мира героя-профана с реальной жизнью, в которой подсказки-символы могут прийти неизвестно откуда или от кого, в разное время, вовсе не закреплены за одним определённым человеком, который всю жизнь сопровождает главного героя. С помощью героя-гуру в произведении писатель демонстрирует свои взгляды на мир. С этим типом героя связаны диалоги-поединки, метод «шокотерапии»: гротеск, эпатаж, парадоксальные загадки, «испытания» (непосредственное воздействие на сознание). Тем не менее, сам по себе герой-гуру, его советы и вся его деятельность недостаточны для полного просветления героя-профана. Вся его энергия и помощь не может заменить интенсивной внутренней работы самого героя-профана (читателя). Герой-гуру при всём его весе имеет второстепенное и факультативное значение. Он – это средство, которое может послужить побудительным толчком к такой духовной, мыслительной практике или к её кульминации – выведению профана из тупика, в конечном счёте, внезапному просветлению. В последнем случае он очень эффективен: одним предложением, словом или поступком способен разрешить длительные и очень мучительные духовные поиски ученика, хотя главная работа совершалась внутри профана, а не вне его, и шоковое воздействие гуру лишь подводило черту под определённой ступенью духовной практики. Пример из рассказа «Запись о поиске ветра»: «После этого вы и предложили прогуляться в горах. Не стану повторять, как я благодарен вам, господин Цзян Цзы-Я, за учение, хотя способ, которым оно было преподано, до сих пор наполняет меня страхом»¹.

Типичный герой-гуру – Хан из «Жёлтой стрелы». Без труда можно найти дзэнские и даосские признаки, по которым его можно распознать. Первое – одежда. Он одет просто, без намёка на официальность, скорее, наоборот: он небрит, что так же показывает его оппозиционное отношение к традициям социума. Он одинок. Так же, как реальный дзэнский гуру, он может применять силу. Чай тоже можно рассматривать в качестве детали, характеризующей героя как гуру, так как этот напиток традиционно на Востоке связывался с просветлением. «Хан был один – он сидел за столом, прихлёбывал чай и глядел в окно. На нём, как обычно, был чёрный тренировочный костюм с надписью "Angels of California"... Ещё Андрей заметил, что Хан давно не брился»². Практически все высказывания Хана выдержаны в дзэнском ключе.

В § 3 «Герои-феномены» мы рассматриваем третий по значимости универсальный тип героев. Кроме героя-гуру и профана, существует целая группа различных второстепенных, причём повторяющихся от произведения к произведению персонажей («чеченцы», «наркоманы», «бандиты»). Эти повторяющиеся персонажи – универсальные типы, упрощающие объективное изображение мира. Они уравниваются «в правах» с неповторяющимися (принцесса из народа Хунну в «Записи о поиске ветра»). Эти герои – то, что герой-профан видит

---

¹ Пелевин В. О. Все рассказы. М. : Эксмо, 2005. С. 476.

² Пелевин В. О. Омон Ра. Жёлтая стрела. М. : Вагриус, 2003. С. 237.

вокруг себя. К героям-феноменам мы относим не только повторяющиеся типы героев, но и всех остальных второстепенных героев, а учитывая трансцендентальность взглядов писателя, и весь окружающий главного героя животный и предметный мир. Второстепенные герои – герои-феномены – в философском плане герои «низшего» уровня, поэтому и обрисованы они искусственно, карикатурно, их описание часто вызывает улыбку, сомнение в их «жизненности». В философском плане они менее весомы, чем герой-профан и герой-гуру. Герои-феномены – это одновременно и не люди и не куклы, это феномены окружающего мира, порождённые космосом и нашим сознанием. Любой такой герой для автора и героя-гуру – феномен, иллюзия, но герой-профан (как и читатель) – в силу своего неоконченного духовного развития – считает их абсолютно реальными, самодостаточными. Это фикции, иллюзии – препятствия, возникающие в загрязнённом сознании. Это субстанции одного ряда: «...в сущности, никакого счастья нет, есть только сознание счастья. Или, другими словами, есть только сознание. Нет никакой Индии, никакого поезда, никакого окна. Есть только сознание, а всё остальное, в том числе и мы сами, существует только постольку, поскольку попадает в его сферу. Так почему же, думаю я снова и снова, почему же нам не пойти прямо к бесконечному и невыразимому счастью, бросив всё остальное? Правда, придётся бросить и себя. Но кто бросит? Кто тогда будет счастлив? И кто несчастлив сейчас?»¹. Конечная истина очищена от феноменов, в ней отсутствуют объекты и субъекты, процессы, взаимодействия между ними. Согласно дзэн-буддизму, феноменальный мир – иллюзия.

На бытовом уровне каждый герой-феномен связан с какой-либо реальной общественной проблемой из мира героя-профана. Но есть более высокий концептуальный уровень. Все вместе в философском трансцендентальном плане – и герой-гуру, и герой-профан, и герои-феномены – объекты одного порядка, элементы общего, одного для всех космоса, обладающие одной природой.

При анализе героев-феноменов на высоком философском уровне их всех, несмотря на их разнообразие, следует понимать как иллюзии, порождённые сознанием героя. Всё вокруг, включая и самого героя с его телесной оболочкой, служит результатом действия субатомных сил и частиц. Трудно во всём этом увидеть тенденцию к отрицанию за текстом любой материальной идентичности или потенциальной эффективности и утверждать, что текст существует только как акт интерпретации. Герои-феномены – художественное средство, используемое писателем, призванное описать реальный мир до конца в рамках определённой – явно позитивной – концепции мира.

В § 4 «Идеальный герой В. О. Пелевина» в центре нашего внимания оказывается предполагаемый автором идеал, не представленный в тексте непосредственно, но выводимый из сюжета и заложенной в произведении философии. Духовный поиск главного героя Пелевина мы представили в виде списка – ступеней самоусовершенствования. Описание продвижения героя по этим ступеням сопровождается примерами из произведений.

---

¹ Пелевин В. О. Омон Ра. Жёлтая стрела. М. : Вагриус, 2003. С. 303.

Как уже говорилось выше, идеального героя (совершенного человека) непосредственно в самом произведении нет, даже герой-гуру не идеален, а на пути к этому. Но такой идеал подразумевается. Ожидается, что им может стать герой-профан, а через него сможет прийти к идеалу и сам читатель, который благодаря пелевинской игровой поэтике, его методу примеривает на себя ситуации, проблемы и чувства главного героя. Какие признаки подтверждают такую роль читателя? С читателем связано понятие «катарсис». Косвенно такую повышенную роль читателя подтверждает и поэтика «компьютерных» произведений В. О. Пелевина: иллюзия его нахождения в компьютерной игре, в программе, за монитором («Принц Госплана», «Шлем ужаса. Креатифф о Тесе и Минотавре»). То, что читатель В. О. Пелевина устремляется за его героем-профаном и становится на путь, ведущий к идеалу, обусловлено (религиозной) философией пути исправления, самосовершенствования. В данном случае дзэн-буддизм, в предшествующей литературе такой философией (Путём) часто выступало христианство. Устремление читателя за главным героем технически становится возможным благодаря специальным средствам воздействия на психику читателя, оригинальным художественным приёмам: обращение, например, героя-гуру к главному герою, которого мы именуем «профаном», является и словесным воздействием на сознание читателя.

В диссертации рассмотрены ступени самосовершенствования главного героя-профана, а с ним, соответственно, читателя. Пелевин предлагает действенную стратегию для самосовершенствования, исцеления от стереотипов, борьбы с дилетантизмом, невежеством. Речь идёт об особом, тонком искусстве души изменяться в лучшую сторону. Идеального типа героя в произведениях Пелевина нет, но указан путь, по которому надо двигаться, чтобы таким стать. В произведении есть лишь неидеальный герой (как предполагается изначально, не идеален и читатель), с которым читатель старается пройти этот путь до конца. Типичные герои, которые проходят путь самоусовершенствования – Андрей из «Жёлтой стрелы», мотылёк Митя из «Жизни насекомых», Саша Лапин в «Принце Госплана». Перечислим этапы духовного становления, прозрения, которые должен пройти герой-профан (читатель): поиск истины; осознание истины и её существования; ощущение истины, её природы (это процесс, становление); её понимание (панорамное видение, всеохватность); испытание истины на себе; овладение истиной; забвение истины; забвение носителя истины; возврат к истокам поиска; ничто и покой в нём.

Идеального героя в произведениях Пелевина нет, так как, описав его, писатель сделал бы его неидеальным, но он подразумевается и известны реальные средства, как им стать (то, что даёт профану герой-гуру). Однако невозможно прямо здесь и сейчас обрисовать его. Истина высока, чиста и недостижима. Здесь действует дзэнский принцип, он близок тому, о чём писал Ф. И. Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь». Прикоснувшись к чистоте, нельзя её не запятнать, поэтому и описать такого героя невозможно, но к нему можно стремиться.

В Заключении обобщаются результаты диссертационного исследования, формулируются основные выводы, намечаются перспективы дальнейшего

изучения творчества В. О. Пелевина, которое видится нам в обнаружении философски и эстетически близких писателей, привлечению к изучению творчества В. О. Пелевина произведений классической китайской и японской литературы.

Философская концепция писателя находит адекватное отражение в художественной форме: перед нами не «совокупность» типов, «знакомых незнакомцев», «набор» разных персонажей, но именно художественное воплощение идеи Пути, где характерология оказывается средством выражения идеи становления, эволюции, совершенствования героя – а главное, самого читателя. Рассматривая характерологию Пелевина как элемент поэтики, мы убеждаемся, что писатель нашел форму вовлечения читателя в сюжет, «проживание» которого в читательском сознании и должно привести к катарсису, очищению и просветлению. Описанная нами цель писателя и его отношение к читателю противоположно таковому в постмодернизме. И. П. Ильин пишет, что читатель в постмодернизме является основным объектом насмешек. «Вся структура постмодернистского романа на первый взгляд предстает как нечто вызывающее отрицание повествовательной стратегии реалистического дискурса: отрицание причинно-следственных связей, линейности повествования, психологической детерминированности поведения персонажа»¹. Взгляд Пелевина на мир вполне укладывается в философию дзэн-буддизма, а итог, к которому он приводит, противоположен постмодернизму. Просветлённый человек (читатель) – вариант представления о «человеке как о центре космоса». Это человек, который путём долгих сомнений и решения трудностей различного рода достиг совершенства и живёт в гармонии с окружающим.

Критики, в частности А. Генис, называли произведение В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» первым в русской литературе дзэн-буддийским романом. В творчестве В. О. Пелевина реализован новый для русской литературы художественный подход к созданию литературного текста: синтез философии дзэн-буддизма и художественного арсенала постмодернизма, в котором решающее значение отдается личностному фактору.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Нечепуренко, Д. В. О философских предпосылках и цели творчества В. О. Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 53. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 11 (226). – С. 95–98.

2. Нечепуренко, Д. В. Об эстетических принципах и художественном методе В. О. Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. № 6 (17). – С. 101–104.

---

¹ Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М., 1998. С. 157.

3. Нечепуренко, Д. В. Роль героя-профана в раскрытии авторского замысла В. О. Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 7 (25). – С. 143–145.

Другие публикации:

4. Нечепуренко, Д. В. Компьютерные приёмы в прозе В. Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Сборник статей аспирантов, соискателей и студентов Челябинского государственного педагогического университета. – 2008. – С. 112–116.

5. Нечепуренко, Д. В. К проблеме характерологии В. О. Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Челябинский гуманитарий. – 2010. – № 3 (12). – С. 53–57.

6. Нечепуренко, Д. В. Герой и читатель в произведениях В. О. Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Филология, искусствоведение и культурология: актуальные проблемы. – 2012. – 10 сентября. – С. 132–137.

7. Нечепуренко, Д. В. Художественная философия Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. – 2012. – 10 октября. – С. 133–138.

8. Нечепуренко, Д. В. Духовные поиски главного героя пелевинских произведений / Д. В. Нечепуренко // Челябинский гуманитарий. – 2012. – № 4 (21). – С. 34–37.

9. Нечепуренко, Д. В. Дзэн-буддизм в творчестве В. О. Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Пространство литературы: контексты и проблема границ : материалы научно-практической конференции словесников. Екатеринбург, 29 марта 2013 г. – Екатеринбург : ФГБОУ ВПО "Урал. гос. пед. ун-т", 2013. – С. 142–144.

10. Нечепуренко, Д. В. Герой-профан в пелевинской характерологии / Д. В. Нечепуренко // Филологический класс. – 2013. – № 2 (32). – С. 97–101.

11. Нечепуренко, Д. В. Элементы дзэн-буддийской эстетики в произведениях В. О. Пелевина / Д. В. Нечепуренко // Язык. Культура. Коммуникация: материалы VIII Международной научно-практической конференции студентов и аспирантов, посвященной 70-летию ЮУрГУ / отв. ред. Е. В. Пономарева. – Челябинск : Цицеро, 2013. – С. 86.

12. Нечепуренко, Д. В. В. О. Пелевин. Традиции и новаторство / Д. В. Нечепуренко // Челябинский гуманитарий. – 2014. – № 1 (26). – С. 52–57.